

Лаборатория экспериментальной экономики
ЦЭМИ РАН

Цифровое будущее культуры

измерения и прогнозы

Анатолий Козырев

**Цифровое будущее культуры.
Измерения и прогнозы**

«Издательские решения»

Козырев А. Н.

Цифровое будущее культуры. Измерения и прогнозы /
А. Н. Козырев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835227-0

В монографии представлены результаты исследований по цифровой экономике, проводимых в лаборатории экспериментальной экономики ЦЭМИ РАН. В основном это результаты измерений и прогнозов, касающихся оцифровки культурных ценностей, а также соответствующие инструменты измерения и прогнозирования. В монографию также вошли результаты изучения алгебраических свойств информации, наследуемых всеми цифровыми продуктами, включая цифровые копии произведений искусства, музыки, кино и печатной продукции.

ISBN 978-5-44-835227-0

© Козырев А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Обозначения и сокращения	7
Введение	8
1. Методология и задачи исследования	14
1.1. Развитие культуры в цифровую эпоху	15
1.1.1. Контекст	15
1.1.2. Дискриминация в культуре	21
1.1.3. Государственная поддержка и сохранение объектов культуры	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

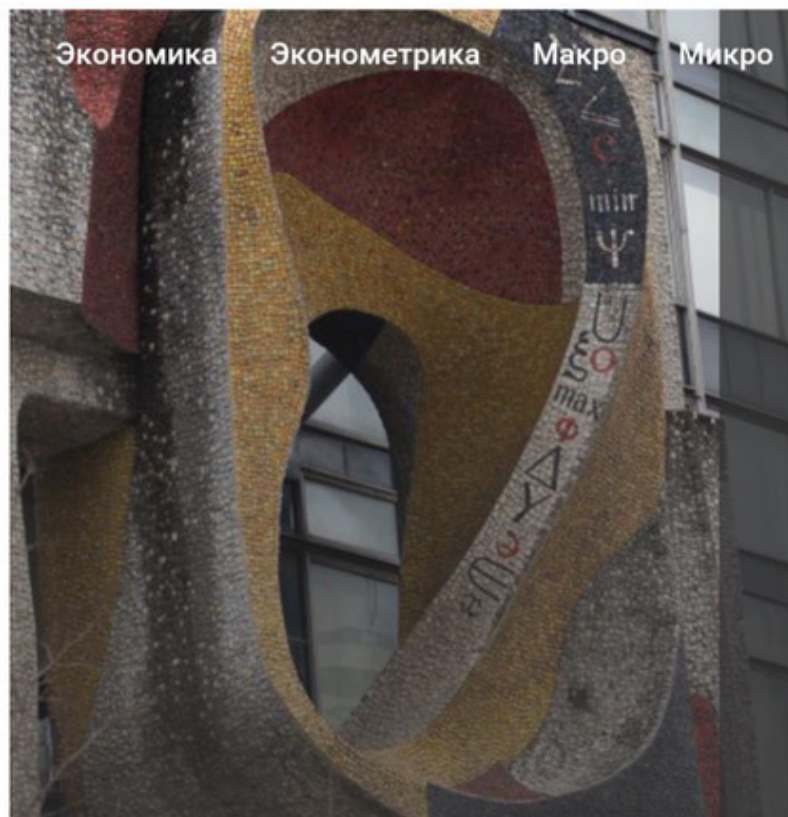
**Цифровое будущее культуры
Измерения и прогнозы
Анатолий Николаевич Козырев
Ольга Николаевна Андрейчикова
Александр Александрович Белянов
Сергей Валерьевич Макаров
Наталья Вадимовна Ноакк
Иван Викторович Неволин
Владимир Юрьевич Петров
Андрей Сергеевич Татарников
Оксана Валерьевна Тевелева**

- © Анатолий Николаевич Козырев, 2016
- © Ольга Николаевна Андрейчикова, 2016
- © Александр Александрович Белянов, 2016
- © Сергей Валерьевич Макаров, 2016
- © Наталья Вадимовна Ноакк, 2016
- © Иван Викторович Неволин, 2016
- © Владимир Юрьевич Петров, 2016
- © Андрей Сергеевич Татарников, 2016
- © Оксана Валерьевна Тевелева, 2016

ISBN 978-5-4483-5227-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Центральный экономико-математический институт РАН

В книге использованы результаты научных исследований,
проводимых при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ). Проект № 14-18-01999

Авторский коллектив:

Андрейчикова О. Н., Белянов А. А., Макаров С. В., Ноакк Н. В., Неволин И. В.,
Петров В. Ю., Татарников А. С., Тевелева О. В.
Под руководством А.Н. Козырева

Рецензенты:

академик РАН В.Л. Макаров
доктор юридических наук М.В. Волынкина

Москва 2016

Обозначения и сокращения

- АИИ** – Ассоциация интернет-издателей
ВНИИДАД – Всероссийский научно-исследовательский институт документо-
ведения и архивного дела
ВОИС – Всероссийская организация интеллектуальной собственности
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека
МКСХ – Международная конфедерация союзов художников
НРИС – Национальный реестр интеллектуальной собственности
НЭБ – Национальная электронная библиотека
ОИС – объект интеллектуальной собственности
ОКУП – общество коллективного управления правами
ООД – объект общественного достояния
РАО – Российское авторское общество
РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАНТД – Российский государственный архив научно-технических документов
РГАФД – Российский государственный архив фонодокументов
РГБ – Российская государственная библиотека
РСП – Российский союз правообладателей
УПРАВИС – Некоммерческое партнерство по защите и управлению правами
в сфере искусства
ФРИИ – Фонд развития интернет-инициатив
DMCA – Digital Millennium Copyright Act
FADGI – Federal Agencies Digitization Guidelines Initiative
IDC – International Data Corporation
IFPI – International Federation of Phonographic Industries
ИПА – International Intellectual Property Alliance
NARA – National Archives and Records Administration
OAI – Open Archives Initiative
WIPO – World Intellectual Property Organization (в переводе – ВОИС)
НЦК – Национальный центр кинематографии
ФОМ – Фонд «Общественное мнение»

Введение

Настоящая монография – результат многолетних исследований, проводившихся в лаборатории экспериментальной экономики ЦЭМИ РАН. Основная часть публикуемых результатов получена в период 2014 – 2016 гг., когда исследования финансировались Российским научным фондом – проект №14—18—01999 «Измерения и прогнозы в цифровой экономике». В монографию вошли также некоторые результаты, полученные авторами до 2014 года. Прежде всего, это касается изучения алгебраических свойств информации (Козырев, 1999, 2009), наследуемых всеми цифровыми продуктами, включая цифровые копии произведений искусства, музыки, кино, печатной продукции и многое другое.

В рамках проекта №14—18—01999 разработаны фундаментальные основы для создания новых инструментов измерения и прогнозирования в цифровой экономике, предложены новые методы измерения и прогнозирования на основе больших данных, собираемых в интернете, проведена их экспериментальная проверка. Актуальность проекта обусловлена, с одной стороны, лавинообразным ростом количества продуктов в цифровой форме (фильмов, музыки, программного обеспечения и т.д.), с другой стороны, дефицитом адекватных инструментов для измерения стоимостных параметров таких продуктов и прогнозирования платежеспособного спроса на них. Новизна предлагаемого подхода к решению проблемы состоит, прежде всего, в систематическом отслеживании следствий общего для всех информационных продуктов фундаментального алгебраического свойства – идемпотентности сложения. В полной мере это фундаментальное алгебраическое свойство присуще информации на уровне отдельных битов («да» + «да» = «да»), а потому оно наследуется всеми цифровыми продуктами. В стертых формах это свойство присуще всем продуктам, допускающим оцифровку и получившим общее название – «контент».

Идемпотентность сложения информации имеет много частных следствий, обычно не связываемых между собой, а потому изучаемых отдельно, иногда даже в разных научных дисциплинах, прежде всего, в экономической теории публичных благ и в науке о вычислениях (computer science). Особый и наиболее интересный случай – публичные блага, поставляемые в частном порядке. В частности, к числу публичных благ, поставляемых в частном порядке, относятся произведения, охраняемые в рамках авторского права. А потому вопросы авторского права имеют самое непосредственное отношение к изучаемому предмету. Однако здесь они рассматриваются под специфическим углом зрения, а именно, в связи с возможностью оцифровки произведений и оборота их цифровых копий в интернете.

Возможность представления в цифровой форме – фундаментальное отличительное свойство всех ценностей, обозначаемых относительно новым для русского языка термином «контент». Это очень широкое понятие. Например, в книге оцифровке поддается не только текст, но и картинки, текстура бумаги и обложки, наличие пятен и т. п. Не поддаются оцифровке бумага, нитки, клей. Все, что поддается оцифровке, может быть практически без затрат размножено, передано по каналам связи и использовано одновременно многими людьми без ущерба друг для друга. Данное обстоятельство радикально меняет структуру затрат на производство и сбыт любых продуктов, основную ценность которых составляет контент. Затраты на разработку продукта во многих случаях практически совпадают с затратами на его производство в любых объемах. Самым дефицитным ресурсом с какого-то момента становится внимание целевой аудитории. Все это не может не отражаться на характере отношений, возникающих вокруг создания, распространения и потребления таких продуктов.

Конечная цель исследований – разработать новые инструменты для практического использования в экономических исследованиях, в том числе предложить конкретные методы

измерений в цифровой экономике с использованием больших объемов данных (big data), собираемых с помощью роботов, и провести их экспериментальную проверку.

Потребность в таких инструментах никем не оспаривается, но и не осознается в полной мере ни экспертным сообществом, ни бизнесом, ни представителями власти. В какой-то мере это определяется интересами конкретных социальных групп и отраслей. Но во многом это непонимание – результат мифологизации целого ряда наблюдаемых явлений. В частности, это касается «пиратства» в интернете, оценок ущерба от «пиратства» и вызывающей много вопросов эффективности обществ по коллективному управлению правами (ОКУП). Эти вопросы, что называется, «на слуху», но помимо них есть масса других вопросов «не на слуху», представляющих, возможно, даже большую важность для общества. В частности, это касается сохранения и эффективного использования культурного наследия, обеспечения равного доступа к культурным ценностям, информационного обеспечения научной деятельности в современных условиях и т. д. Все эти вопросы, так или иначе, связаны с возможностью оцифровки произведений науки, искусства, кино, музыки, печатной продукции, исторических документов, а также обеспечения доступа к их цифровым копиям. Именно здесь вопрос об измерениях встает в полный рост. В том числе речь идет о принципиальной возможности измерений в цифровой экономике и наличии эффективных инструментов для таких измерений.

Разумеется, вопросы соблюдения авторских и смежных прав постоянно остаются в поле зрения. Однако такие вопросы нельзя рассматривать абстрактно, не соизмеряя возможные приобретения и потери сторон. При этом речь идет, разумеется, не о «пиратах» как одной из сторон, а о правообладателях и обществе или о представителях отраслей на основе авторского права (кино, звукозапись, книгоиздательство), с одной стороны, и представителях телекоммуникационной отрасли, с другой стороны. Несовпадение интересов здесь достаточно очевидно, хотя об этом не очень принято говорить. Неудивительно, что и отношение к инициативам по принудительному осуществлению авторских и смежных прав у представителей указанных отраслей тоже различно. Наиболее ярко это различие проявилось в дискуссии между Германом Клименко, ставшим в декабре 2015 года советником Президента РФ по интернету¹, и представителями киноиндустрии². Однако, это – тот случай, когда противоречие видно «невооруженным глазом». Реально приходится иметь дело с большим количеством разнонаправленных интересов, причем даже внутри относительно однородных групп. Например, авторы книг – очень неоднородная группа в части интересов. Если авторы детективов и женских романов заинтересованы, прежде всего, в получении авторского вознаграждения за свой труд, то авторы научных книг заинтересованы в том, чтобы донести свои идеи до возможно большего числа читателей, но при этом они очень чувствительны к вопросам плагиата, неточного цитирования и отсутствию ссылок на их труды. Отсюда постоянные жалобы одних, на то, что их обворовывают, и готовность выложить свои тексты в свободный доступ со стороны других. Говорить о соизмеримости приобретений одних и потерях других можно лишь тогда, когда интересы тех и других ясно обозначены, что далеко не всегда просто сделать. К тому же эти потери и приобретения часто проявляются как внешние эффекты (экстерналии) и далеко не всегда выражаются в деньгах. В частности, это касается издержек, связанных с принуждением к соблюдению авторских прав.

Меры по принуждению к соблюдению авторских и смежных прав сами по себе требуют затрат, причем затраты ложатся на государство и, следовательно, на общество. Уже здесь возникают вопросы, во-первых, о сопоставимости возможных потерь от нарушения исключительных прав и затрат на принуждение к их соблюдению, во-вторых, о справедливости положения, когда интересы одних групп обеспечиваются за счет других. Иногда эти вопросы ставятся

¹ <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/567afb3c9a79473a49bde77d>

² <http://www.kp.ru/daily/author/817312/>

очень жестко, например: «во сколько нераскрытых убийств обойдется нам защита ваших имущественных прав»? В других случаях вопрос может звучать не столь драматично, но это вовсе не значит, что соизмерять потери и приобретения сторон не требуется. В этом контексте преувеличение возможных потерь правообладателей выглядит отнюдь не безобидно, а сознательное кратное преувеличение ими своих потерь приобретает отчетливый привкус преступления против нравственности, какими бы идеалами оно ни прикрывалось. Но и это не все. Если признать, что издержки от мер по принуждению к соблюдению авторских и смежных прав в интернете могут превысить разумные пределы, то дальнейшие выводы тоже будут разными, так как они очень сильно зависят от интересов рассматривающей этот вопрос стороны.

В качестве возможной альтернативы принудительным мерам представителями правообладателей выдвигается идея «глобальной лицензии». На бытовом языке это означает введение сбора со всех представителей информационных и телекоммуникационных отраслей в пользу правообладателей, а точнее, в пользу выступающих от имени правообладателей коллективных органов или союзов. В обмен на это предлагается разрешить свободный оборот цифровых копий произведений в интернете. Тем самым вопрос об издержках принуждения как будто снимается. Но это не так. Во-первых, расплачиваться придется не тем, кто конкретно извлекает выгоды от свободного оборота цифровых копий в интернете, или, как минимум, не совсем тем. Во-вторых, помимо копий отечественных произведений в сети будут обращаться цифровые копии произведений иностранных авторов, а предоставить лицензию на их использование могут только реальные правообладатели, но отнюдь не представители «всех правообладателей», выступающие с идеей глобальной лицензии.

Параллельно инициативам типа глобальной лицензии представителями других групп интересов выдвигались совсем другие инициативы. Так, Ассоциацией интернет-издателей (далее – АИИ) разрабатывался проект «Общественное достояние» (далее – Проект), в рамках которого изучались проблемы оцифровки и введения в широкий оборот произведений, практически полностью выпадающих из оборота в силу несовершенства авторского права и не всегда адекватной позиции правообладателей. Согласно публикации (Засурский, Тищенко, 2015), Проект стартовал в феврале 2015 года, когда «в Администрации Президента поставили крест на идее создания общества по коллективному управлению правами, собирающего налог на интернет – 25 рублей в месяц с каждого пользователя мобильной и фиксированной связи». Там же утверждается, что концепция «Общественное достояние» возникла вместе с появлением АИИ, и это соответствует действительности. Однако в 2015 году у АИИ появилась новая модель регулирования авторских прав («Общественное достояние...», 2015), а у Проекта – реальная перспектива реализации. Государство прислушалось к доводам представителей интернет-индустрии, телекоммуникационной отрасли и правообладателей против введения «глобальных лицензий», оно берёт курс на открытие доступа к знаниям и культурным ценностям. При этом, согласно тем же источникам, «Общественное достояние» обойдется госбюджету в 100 раз дешевле, чем введение глобальных лицензий, известных также как «налог РСР». Однако эта оценка нуждается, как минимум, в независимой проверке, еще больше в независимой проверке нуждаются цифры, озвучиваемые руководством РСР. В этом заключалась одна из задач нашего исследования.

Реализуемость Проекта может быть поставлена под сомнение также по политическим, а отнюдь не только финансовым причинам. Возникшая на основе неприятия идеи глобальной лицензии коалиция из представителей интернет-индустрии, телекоммуникаций и правообладателей, скорее всего, распадется, а у Проекта появится много противников, способных создать лоббирующие группы. Отсюда следует, что надо анализировать не только количественные показатели, куда входят затраты на идентификацию произведений, подлежащих оцифровке и переводу из категории ОИС в категорию ООД, на их оцифровку и т.п., но также интересы различных влиятельных групп. При этом, вполне очевидно, что интересы физических и юридиче-

ских лиц, а также отраслей, чьи доходы привязаны к обороту интеллектуальных прав, не совпадают с интересами тех, чьи доходы привязаны к трафику или количеству кликов. Отсюда следует, что интересы представителей интернет-индустрии – в увеличении трафика за счет свободного контента – могут войти в жесткое противоречие с интересами правообладателей и других игроков, чьи доходы связаны с оборотом прав на контент, а не с контентом как таковым. Также понятно, что правообладатели – слишком многочисленная и неоднородная группа. Как минимум, необходимо видеть различия между обладателями прав на кино и видео, на музыку, на печатную продукцию и на произведения изобразительного искусства. Но даже внутри каждой из таких групп различия интересов могут быть очень велики вплоть до противоположности. Например, как уже отмечалось, авторы научных публикаций (они же правообладатели) заинтересованы, прежде всего, в максимально широком распространении своих произведений и свободном доступе к ним, тогда как авторы массовой литературы, скорее, заинтересованы в получении вознаграждения, а не просто в числе почитателей. Отсюда возможно радикальное расхождение в отношении авторов к попаданию своих произведений в свободный доступ и в выборе, к примеру, различных типов открытых лицензий³. Еще более очевидные расхождения возникают, когда в качестве правообладателя выступает не автор популярного произведения, а наследник, причем далеко не всегда это прямой потомок. Разумеется, ситуация не может быть полностью аналогичной в других отраслях на основе авторского права, так как научной музыки или научной живописи просто не существует. Но заинтересованность в свободном распространении цифровых копий своих произведений даже без какой-либо оплаты возможна и здесь. Наконец, вполне очевидно, что противоречия между интересами правообладателей и представителями интернет-индустрии могут быть в значительной мере купированы, если не требовать перевода ОИС в ООД каждый раз, когда для этого появляются какие-то основания. Достаточно ограничиться распространением свободного доступа только на цифровые копии произведений. Во многих случаях (но не во всех) это снимает противоречия и снижает потери правообладателей или затраты бюджета на выкуп прав.

Таким образом, выявляется большой набор проблем, связанных с измерениями в цифровой реальности, но отнюдь не сводящихся к измерениям как таковым. Помимо измерений и, строго говоря, до измерений необходимо по возможности точно обозначить группы интересов и ожидаемые экстерналии. Для этой цели необходимо подойти к исследуемым вопросам с позиций теории игр, включая достаточно новые ее достижения, такие как теория конструирования экономических механизмов (*economic mechanisms design theory*), методы выявления предпочтений и т. д.

Как уже говорилось выше, новизна предлагаемого подхода состоит в систематическом отслеживании следствий фундаментального алгебраического свойства информации – идемпотентности сложения («да»+«да»=«да»), наследуемого всеми цифровыми продуктами, включая оцифрованные произведения искусства, музыки, литературы. Дополнительную новизну и эффективность подхода обеспечивает мультидисциплинарный характер исследования с использованием достижений психологии, теории игр, права и экономики. Для сбора и анализа данных используются современные информационные технологии, включая сканирование трафика в интернете и анализ больших объемов информации (*big data*) с помощью роботов. Благодаря сочетанию технических методов работы с информацией с широким использованием официальных источников удалось получить достаточно полные и, что особенно важно, разносторонние сведения о предметной области. Собраны и проанализированы данные о культурном наследии, имеющем перспективу оцифровки и перевода в общественное достояние.

³ В частности, научные архивы, как правило, используют лицензию Creative Commons Attribution (CC BY), а производители произведений искусства предпочитают некоммерческую лицензию типа CC NC, исключающую коммерческое использование произведения без согласия автора.

В том числе проанализированы количественные параметры советского культурного наследия, включая фильмы, музыку, печатную продукцию и музейные экспонаты, а также массивы произведений, созданных в РФ при финансовой поддержке государства. Проведена оценка существующих цифровых и аналоговых коллекций материалов, моделей доступа к информации. Разработаны подходы к анализу возможных экономических и социальных последствий свободного обращения в интернете цифровых копий произведений искусства, музыки и фильмов из этих коллекций. Проанализированы интересы вероятных союзников и противников такой политики. Предложены механизмы для выявления размеров справедливой компенсации правообладателям, а также механизмы организации свободного доступа к культурному наследию СССР. Разобраны некоторые частные примеры, вызывающие острые споры представителей власти и индустрии контента.

Структура и содержание книги в целом следует логике проведенного исследования, которая, в свою очередь, определяется пониманием ключевых факторов успеха в распространении культурного наследия.

Во-первых, получены оценки количества созданных произведений и масштабы оцифровки контента. Как выяснилось в ходе исследования, оцифровано очень много, в том числе, оцифрованы коллекции крупнейших музеев России, а также значительная часть книг и относительно небольшая часть кинодокументов. Дальнейшие действия по оцифровке должны учитывать этот опыт и различия в подходах к процессу оцифровки в разных отраслях на основе авторского права и в конкретных организациях типа Госфильмофонда, Государственного архива кинодокументов и т. д.

Во-вторых, исследована инфраструктура доступа к контенту – существующая и перспективная. Установлено, что государство уже прикладывает серьёзные усилия в области широкого доступа к произведениям культуры и открыто для обсуждения правового регулирования. Параллельно с настоящим исследованием Ассоциацией интернет-издателей проводилось исследование по проблеме возможности выкупа прав на российские фильмы. Той же группой осуществлялся анализ наиболее сложных правовых и, отчасти, технических вопросов (Засурский и др., 2015), связанных с созданием Национальной цифровой библиотеки, регистратора DOI и одновременным запуском федеральной резервной системы из банков знаний, а также с запуском реестра сиротских произведений (чтобы дать возможность авторам или правообладателям заявить свои права).

Наконец, понимание интересов сторон привело к выводу об отсутствии необходимости перевода произведений из категории ОИС в категорию ООД. Достаточно сосредоточиться на свободном доступе только к их цифровым копиям. Это радикально снижает опасность возможных конфликтов и сопутствующих им издержек, но предполагает более глубокое исследование интересов основных игроков, прежде всего, ОКУП. Соответственно, в 3.3. дано краткое описание ключевых ОКУП, впрочем, тема интересов правообладателей и ОКУП затрагивается практически во всех разделах книги.

В итоге структура книги приняла современный вид, а именно: настоящее введение, пять тематических разделов, список источников и два приложения. Основные теоретические положения изложены в первом разделе. Здесь же изложены методические вопросы и представлен краткий анализ проблем, возникающих в связи с переводом в категорию ООД объектов ИС, созданных при бюджетной поддержке. Как выясняется, здесь нет сколько-нибудь серьезных проблем, не считая непонимания ситуации отдельными правообладателями. Иначе говоря, проблема скорее просветительская, чем экономическая или правовая. Анализ международного опыта оцифровки культурного наследия в целях его сохранения изложен в 1.1.3. Однако оцифровка – это вопрос не только сохранения культурных ценностей, но и доставки их потребителю. Эти аспекты международного опыта рассматриваются в других разделах. В частности, обзор зарубежных работ по экономике авторского права отнесен в самый конец книги. Это

сделано вполне сознательно. С одной стороны, такой обзор должен быть сделан и представлен читателю, с другой стороны, мы используем гораздо более мощные инструменты, а потому этот обзор – скорее дань традиции, чем основа для наших исследований.

Второй раздел содержит большой объем фактической информации, полученной из разных источников и необходимой для глубокого анализа. Он посвящен измерениям и оценкам, включая измерение популярности тех или иных произведений, количества произведений, реально востребованных массовой аудиторией и т. п.

Третий раздел посвящен способам монетизации трафика и анализу интересов ключевых игроков, а также их возможностей. В подразделе 3.4. перечислены преимущества и недостатки всех этих возможностей, при этом идентифицированы даже те интересы сторон, которые не могут получить количественной оценки.

В четвертом разделе описана возможная стратегия реализации Проекта и ее обоснование. При этом рассматриваются разные варианты реализации Проекта и возможные сценарии его развития в зависимости от внешних обстоятельств. Здесь же рассмотрены экономические и правовые аспекты, включая примерную оценку возможных затрат и требуемое правовое обеспечение.

Наконец, в пятом разделе дан обзор альтернатив авторскому праву, сформулированы основные выводы, полученные в результате проведенного исследования. Здесь же намечены перспективы продолжения исследований, в том числе, проведения натуральных экспериментов. В приложении 1 подробно описана агент-ориентированная модель, имитирующая комбинированный принцип раздачи контента. Приложение 2 посвящено индексам, характеризующим разные аспекты перехода к цифровой экономике.

Нумерация рисунков и таблиц в каждом разделе автономна и начинается с номера раздела. Например, рис. 1.2. – второй рисунок в разделе 1. Нумерация таблиц и рисунков в каждом из приложений также автономна.

1. Методология и задачи исследования

В настоящем разделе сформулированы общие проблемы и конкретные задачи, решение которых требует измерения и сопоставления характеристик оцифрованных и не оцифрованных произведений. Здесь же представлены результаты теоретических исследований в области информационной экономики и экономики авторского права, составляющие теоретическую базу настоящего исследования, определяющие во многом его направление и методологию. В том числе это результаты, вошедшие в обзорные работы по экономике авторского права, результаты наших собственных прошлых исследований и результаты наших партнеров, а также необходимые сведения из теории общественных благ.

1.1. Развитие культуры в цифровую эпоху

1.1.1. Контекст

Цифровые технологии и возможность непосредственного обмена информацией между ее потребителями через интернет изменили не только соотношение затрат на создание и распространение произведений, охраняемых авторским правом, но и всю систему отношений вокруг него. В том числе существенные изменения произошли и продолжают происходить в самом авторском праве, включая понятие о нарушениях авторских и смежных прав, в способах борьбы с этими нарушениями и, наконец, в далеко не однозначном отношении ко всему этому со стороны общества. В том числе это касается отношения общества к такому явлению, как «пиратство» и потребление «пиратской» продукции.

Отношение общества к «пиратству»

Строго говоря, «пиратство» – это не просто незаконное использование произведений, охраняемых авторским правом, а незаконное их использование с целью наживы. Но на бытовом уровне любую незаконно полученную копию охраняемого произведения называют «пиратской» копией. В этом смысле «пиратство» – очень распространенное явление, особенно пышно расцветшее в связи с развитием интернета. Хотя «пиратство» во многом схоже с обычным воровством, громкие заявления в духе «не вижу разницы» – лукавство. Полное отождествление «пиратства» и обычного воровства было бы такой же непростительной ошибкой, как и отрицание какой-либо аналогии между ними. Оно вызывает естественное недоверие у людей неискушенных и легко опровергается людьми искушенными, склонными анализировать факты и самостоятельно делать выводы, в том числе теми из них, кто сам много сделал для науки. Здесь уместно вспомнить знаменитую фразу Томаса Джефферсона об отличиях знаний от материальных благ: «Получающий от меня знания не обедняет меня, так же как получающий свет от моей свечи не погружает меня во тьму». То же самое можно сказать о музыке, стихотворении и практически обо всем, что может быть представлено в цифровом формате.

Отношение общества к нарушению авторских прав, как и к самому авторскому праву, никогда не было однозначным за исключением, возможно, лишь однозначно негативного отношения к плагиату. К музыкальному и компьютерному «пиратству» население многих стран, включая Россию, относится скорее положительно или, как минимум, нейтрально. Иначе просто невозможно истолковать данные о масштабах потребления «пиратской» продукции, публикуемые BSA или IFPI. Развитие новых цифровых технологий лишь усугубило ситуацию, облегчив изготовление «пиратской» продукции и позволяя населению более ясно выразить свое отношение к ней. Еще более усугубило ситуацию появление возможности скачивать файлы через интернет с сайтов или через пиринговые сети и торренты. В этих условиях традиционное авторское право оказалось неэффективным и стало быстро меняться, если не сказать более жестко – мутировать, принимая довольно странные и опасные для общества формы.

Об опасности современных тенденций в авторском праве для развития науки ярко и убедительно сказано в докладе Лондонского Королевского общества (Royal Society London, 2003). Его далеко не однозначное влияние на мир искусства не менее убедительно показано А. Б. Долгиным (Долгин А. Б., 2007). Однако самые яркие примеры того и другого приведены в книге книги Лессига (Lessig L., 2004), переведенной на русский язык (Лессиг Л., 2007)⁴. Кроме того, существует весьма обширная экономическая литература, посвященная анализу эффективно-

⁴ Русский перевод книги (Лессиг Л., 2007) подготовлен и издан фондом «Прагматика культуры».

сти или, точнее, неэффективности авторского права в современных условиях и поиску альтернатив. В качестве таких альтернатив рассматриваются принципиально отличные от авторского права институты (экономические механизмы), способные обеспечивать вознаграждение создателям произведений. В основном эта литература касается рынка музыки, так как рынок музыки в целом проще и понятнее, чем рынок кино или программного обеспечения. Обзор этой литературы (Liebowitz, S.J. and Watt, R., 2007) дает хорошее представление о том, что уже написано, какие теоретические модели использовались для анализа и какие проводились эксперименты. А написано уже к 2007 г. было немало. Тем не менее, тема до сих пор далеко не исчерпана в научном плане, скорее, она только начинает открываться для исследования. При внешнем единодушии правительств большинства стран, обеспечивших или обещающих обеспечить соблюдение прав интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав на подконтрольной им территории, существуют и все более громко озвучиваются альтернативные точки зрения на этот вопрос. Разумеется, речь не идет о том, чтобы поощрять нарушения авторских прав, но она вполне может идти о том, что вред от чрезмерных усилий по их защите может превышать вред от возможных нарушений (Karaganis J. et. al., 2011). То и другое надо соизмерять, причем делать это желательно в количественных показателях, лучше всего в терминах создания и уничтожения стоимости. Более того, речь может идти о замене самого института авторского права чем-то другим, если в результате получится вывод не в пользу авторского права. При этом надо сопоставлять именно стоимость, а не полученные или неполученные доходы компаний, производящих программное обеспечение, музыкальную или кинопродукцию, как это делают сами компании или их ассоциации типа IFPI или BSA. Более широкий взгляд на предмет может быть полезен еще и тем, что позволит объективнее оценить соотношение общественных сил и, в конечном счете, пойдет на пользу даже самим компаниям.

«Парадокс создания» и экономика авторского права⁵

Экономика авторского права уже давно рассматривается в экономической литературе как специфический случай частной поставки общественного блага (см. Demsetz, 1970). Стоит отметить, что в экономических исследованиях по проблемам вознаграждения за создание благ, имеющих общественную ценность, обращение к институту авторского права как одному из возможных решений пока не стало нормой. Например, в обзорной работе (Рубинштейн А. Я., 2007) прослеживается история вопроса от Линдаля до современности, но авторское право даже не упоминается. Однако «проблема безбилетника» (free riders problem) обсуждается довольно подробно. Также в теоретических работах обсуждается так называемый «парадокс создания».

Мнимое противоречие, или «парадокс создания», заключается в том, что нельзя обеспечить одновременно его эффективное потребление и производство при единой цене на продукт для всех потребителей. Впрочем, при индивидуальных ценах продукта для потребителей, т.е. при линдалевских ценах совместить эффективное потребление и производство возможно. Поэтому парадокс мнимый. Тем не менее, он заслуживает рассмотрения, так как уже успел стать самостоятельным фактом экономической литературы. Соответствующее рассуждение состоит в следующем.

Если охраноспособное произведение, представимое в цифровом формате, уже существует, то его потребление неконкурентно (nonrivalrous), т.е. продукт не исчезает в результате потребления и может без ограничения потребляться другими. Оговорка о представимости в цифровом формате здесь вполне уместна, так как то самое свойство, которое западные эконо-

⁵ Существует множество исследований на эту тему, в том числе (Landes and Posner, 1989), (Besen and Raskind, 1991), (Watt, 2000), (Cooter and Ulen, 2003), (Landes and Posner, 2003), а также (Gordon and Bone, 2000)

номисты обозначают термином *nonrivalrous*, и возможность представить произведение в цифровом формате тесно связаны между собой. Первое следует из второго, хотя представление в цифровом формате необязательно. Его просто не было, когда Джефферсон сравнивал знание со светом от свечи. Однако со временем возможность такого представления появилась. Вместе с тем, потребление подлинников живописи и скульптуры конкурентно, так как они не представимы в цифровом формате, т.е. представление в цифровом формате будет уже копией, а не подлинником. Неконкурентное потребление эффективно лишь при условии, что возможность потребления в полном объеме будет предоставлена каждому потенциальному потребителю. Далее возникает вопрос о цене, которую должен заплатить каждый потребитель. Парадокс возникает лишь в том случае, если считать, что потребители получают продукт по цене поставки, которая может быть очень низкой. В таком случае вырученной суммы не хватит на то, чтобы покрыть затраты на создание исходного продукта (компьютерной программы, музыкального произведения, текста и т.д.). Эффективное потребление при такой логике оказывается несовместимым с эффективным производством. В этом и заключается пресловутый парадокс.⁶ В мире, где есть конкуренция, но нет института авторского права (или вообще нет понятия об интеллектуальной собственности), цена устремилась бы вниз к затратам поставки интеллектуального продукта потребителю (которые включают стоимость создания любого физического воплощения интеллектуального продукта). Тем самым создатели интеллектуальных продуктов лишились бы материального стимула к творчеству, а это плохо для общества в целом. Предполагая, что отказ обеспечивать компенсацию создателям будет вести к неэффективно малому производству творческих произведений (и таким образом – к неэффективно малому потреблению). Разумеется, такой результат не был бы социально желательным. Но в мире, где есть авторское право, причем оно эффективно защищается, такого не происходит.

Однако позволим себе копнуть глубже, опираясь на математические модели и знание алгебраических свойств информации. Представимость продукта в цифровом формате означает, что сложение таких продуктов идемпотентно, как и сложение информации или знаний (Козырев А. Н., 1999), т. е. $A+A=A$. Но тогда уравнение $A-A=X$ не влечет $X=0$. Это свойство информации и знаний хорошо известно. Именно оно связывает возможность представления в цифровом формате и неконкурентное (*nonrivalrous*) потребление. Именно по этой причине прямая аналогия между незаконным использованием произведений науки, литературы, музыки или искусства и обычным с воровством не вполне правомерна. Более уместно говорить о незаконном присвоении выгод, которые дает право на произведение. Но тогда следует рассмотреть вопрос шире и глубже, а именно: надо вспомнить, что содержание понятие «незаконное использование», как и нормы закона, устанавливаются людьми и могут меняться, если для этого будут основания. Также следует вспомнить доводы, послужившие основанием для принятия базовых норм законодательства об авторском праве, прежде всего, необходимость возместить затраты издателя, разработчика и т. д. Следует учесть все выгоды и потери, которые возникают при использовании произведения. Те же доводы с полным основанием приводятся для обоснования отмены запрета ценовой дискриминации (она запрещена актом Клейтона в США). Наконец, полезно вспомнить анализ серии судебных решений, сделанный Рональдом Коузом (Coase R., 1960)⁷ и показавший, что они принимались каждый раз из соображений оптимальности, точнее, минимизации ущерба, который понесет проигравшая дело сторона или общество в целом. К примеру, если шум молотилки для производства сахарной пудры на соседском участке мешает врачу прослушивать пациентов и ставить диагноз, запрещается работа шумной молотилки. Но если искры из трубы паровоза могут вызывать пожары на соседствующих с железной дорогой фермерских полях, засеянных пшеницей, то фермерам

⁶ Краткое объяснение структуры издержек информационных продуктов см. Shapiro and Varian (1999, с.3).

⁷ Русский перевод имеется в книге (Коуз Р., 1991).

предписывается не сеять рядом с дорогой, а оставлять полосу отчуждения. Роднит ситуации одно: верный диагноз врача важнее, чем булочка, посыпанная сахарной пудрой, а развитие железных дорог для Англии XIX века было важнее, чем количество пшеницы, которое можно было вырастить на площадях, занимаемых полосами отчуждения. Именно так надо ставить вопрос и сейчас, а именно: можно ли считать, что соблюдение авторских прав на произведения, авторы которых умерли более 50 лет назад, важнее, чем развитие информационных технологий? Разумеется, речь должна идти не только об авторах, умерших более 50 лет назад. Таких частных вопросов много, за каждый из них готов ухватиться кто-то из юристов, сказать много умных слов. Но все же, соизмеримы ли все эти частные интересы с теми потерями, которые несет общество, увязнув в них? Возвращаясь к вопросу об отношении общества к «пиратству» и авторскому праву, можно привести примеры из жизни, причем не менее любопытные, чем примеры Р. Коуза. Например, корпорация Майкрософт, известная своим негативным отношением к «пиратству», с 1992 г. (год принятия закона РФ о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных) по 1995 г. не подала ни одного иска против российских компьютерных «пиратов». После 1995 года все изменилось. Не следует ли отсюда, что в период 1992—1995 гг. «пираты» были скорее полезны, чем вредны Майкрософт? Другой пример. Китайские книжные «пираты» выпускают очень дешевый учебник на плохой бумаге, копируя, если это можно назвать копированием, дорогой (более 200 долларов) американский учебник. Совершенно очевидно, что ни один китайский студент не купит учебник за 200 долларов или более. Столь же очевидно, что среди типичных покупателей оригинальных учебников по 200 долларов вряд ли найдутся лица, готовые купить вместо него дешевый учебник, на плохой бумаге, без цветных диаграмм. А тогда возникает, как минимум, два вопроса. Во-первых, теряет ли что-то обладатель исключительных прав, когда «пираты» занимают рынок, который ему самому не интересен? Во-вторых, создают ли при этом «пираты» какую-то дополнительную стоимость? Ответы «нет» в первом случае и «да» во втором напрашиваются. Более того, поскольку потенциальных покупателей дешевого варианта учебника больше, благодаря этим пиратским учебникам знания получит гораздо больше молодых людей, чем благодаря легальным учебникам. А нести людям знания – никак не менее важная задача, чем простое извлечение прибыли от издания учебников. Такие примеры можно множить и множить. Здесь есть о чем задуматься.

Рассмотрим теперь ситуацию создания и использования произведения с точки зрения создания и уничтожения стоимости, применяя простые математические модели. Чтобы сделать основную мысль более понятной, а изложение более прозрачным, примем ряд упрощающих предположений, а именно: рассмотрим некое произведение, полезность которого считаем очевидной (это может быть произведение науки, или программа для ЭВМ, или что-то иное) и условимся считать выполненными следующие предположения.

1. Затраты на создание произведения фиксированы.
2. Тиражирование и распространение произведения не требует затрат (что не совсем верно, строго говоря, но к чему неумолимо идет дело).
3. Полезность, которую могут извлечь потенциальные потребители, может быть выражена в деньгах. При этом одному потребителю нужна ровно одна копия.
4. Количество покупателей, готовых купить копию произведения по некой фиксированной цене, обратно пропорционально этой цене.
5. Полная стоимость произведения – максимальная сумма, которую готовы заплатить за получение копий произведения все покупатели (сумма за все копии, которую можно получить).

В предложенных выше условиях справедливы следующие два утверждения.

Утверждение 1. Если цена копии произведения постоянна для всех покупателей, то прибыль продавца не зависит от цены.

Доказательство. Выручка продавца равна произведению цены на количество покупателей, но эта величина постоянна, поскольку количество покупателей обратно пропорционально цене. Затраты на производство фиксированы, т.е. разность между выручкой и затратами постоянна, а это и есть прибыль.

Утверждение 2. Полная стоимость произведения может быть получена продавцом, если он продаст копию произведения каждому покупателю по наивысшей приемлемой для этого покупателя цене.

Доказательство. Можно провести доказательство от противного, если оно кому-то нужно. Читателю предлагается сделать это самостоятельно.

Ситуация, при которой каждому покупателю товар предлагается по самой высокой приемлемой для него цене, хорошо известна в экономической теории как ценовая дискриминация второй степени. Более высокая (третья) степень ценовой дискриминации – каждая единица товара поставляется по индивидуальной цене – в данном случае не отличается от второй, поскольку каждый потребитель получает одну единицу товара. Более низкая степень ценовой дискриминации – несколько уровней цен для разных категорий покупателей – применяется довольно широко даже там, где она запрещена, если она возможна технически и может быть завуалирована под предложение разных продуктов.

Как известно из экономической теории, монополист, используя ценовую дискриминацию, может существенно повысить свою прибыль. Однако такая политика не одобряется ни в экономической теории (Hausman J.A., MacKie-Mason J.K., 1988.), ни в законодательстве. В США даже был принят закон (акт Клейтона 1914 г., дополнен в 1934 г.), прямо запрещающий ценовую дискриминацию. В его основе лежит представление о том, что ценовая дискриминация приводит к несправедливому распределению выгод от сделок купли-продажи, позволяя монополисту присвоить все выгоды и ничего не оставить покупателям. По этой причине ценовая дискриминация считается злоупотреблением. С этим можно согласиться, пока речь идет об обычных товарах (с обычным, а не идемпотентным сложением).

Если же речь идет о тиражируемом произведении с нулевыми затратами на тиражирование, то ситуация с запретом ценовой дискриминации выглядит странно. Во-первых, может оказаться, что только ценовая дискриминация в каких-то формах позволяет окупить затраты на создание произведения. Это значит, что запрет ценовой дискриминации фактически означает запрет на издание произведения. Как тут не вспомнить основной довод в защиту всех законов об интеллектуальной собственности, включая авторское право, т.е. отсутствие другой возможности окупить затраты на разработку! Во-вторых, если затраты все же окупаются, то многие потенциальные потребители не получают доступа к произведению, поскольку цена для них велика. Пример с китайскими студентами при отсутствии «пиратства» – как раз этот случай. На языке создания и уничтожения стоимости это и есть типичный случай уничтожения стоимости. Следовательно, «пираты» здесь как раз создают стоимость или, если быть более точным, восстанавливают часть стоимости, уничтоженной самим правообладателем.

Следует заметить, что фиксированная цена не приводит к уничтожению стоимости, которую продавец недополучает с покупателей, готовых платить выше цены. Эта часть стоимости остается у потребителей. А вот та часть стоимости, которая могла быть получена от наименее заинтересованной или бедной части покупателей, уничтожается безвозвратно. Включение «пиратов» в эту картину мира приводит вовсе не к уничтожению, а к перераспределению стоимости. Легальный продавец часть стоимости теряет, «пираты» и бедные потребители приобретают. И чем лучше разделены между собой легальный и пиратский рынки, тем выше положительный эффект и ниже отрицательный, т.е. эффект перераспределения стоимости. Разумеется, эффект перераспределения можно совсем снять, если соответствующую рыночную нишу заполнит сам легальный продавец, а государство не будет ему в этом мешать. В примере с китайскими студентами это мог быть выпуск дешевой версии учебника без нало-

гов и других прелестей, мешающих легальному поставщику вытеснить «пиратов» чисто экономическими методами.

Пути к снижению вреда от «пиратства»

Теперь, вооружившись теоретической кувалдой, можно обратиться к анализу проблемы уничтожения «пиратства», если задача ставится именно так. Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что стоимость может быть восстановлена или создана не только у правообладателя, но и у потребителей или у «пиратов». Точно также ситуация невозможности окупить затраты на разработку (создание) произведения может быть создана различными путями, в том числе:

- поощрением «пиратства»;
- запрещением ценовой дискриминации и строгим отслеживанием исполнения этого требования;
- неудобным для конкретной отрасли налоговым законодательством.

Примечательно, что первый способ может использовать (сознательно или нет) не только государство, но и правообладатель-монополист с целью сделать невозможным появление конкурентов. Вторые два способа уничтожения стоимости – в руках государства и только. Но государство может, если захочет и сумеет, все три способа обратить к созданию стоимости. Оно может эффективно бороться с «пиратством», поощрять дифференциацию цен на соответствующую продукцию легальных поставщиков, обеспечить налоговый режим, выгодный не столько сырьевым отраслям, сколько производителям программ и другой наукоемкой продукции (сейчас все происходит ровно наоборот). Чтобы повысить эффективность борьбы с пиратством, прежде всего, надо сегментировать проблему, разделив сферы, где:

- интересы «пиратов» объективно совпадают с интересами большой социальной страты, например, с интересами студентов, школьников или тех и других;
- интересы «пиратов» совпадают с интересами кого-то из легальных поставщиков контента;
- «пираты» совсем или почти совсем одиноки против легальных производителей контента и общества.

Последний вариант обычен скорее для фальсификаторов лекарств, чем для «пиратов» в рассматриваемом здесь смысле. Именно по этой причине было бы грубейшей ошибкой смешивать «пиратство» и фальсификацию продуктов, особенно лекарств.

Что касается первых двух случаев, то к ним надо применять совершенно разные меры. Так, ужесточение мер борьбы против «пиратов» в первой сфере может обернуться борьбой правительства против собственного народа ради обогащения компаний, уничтожающих часть стоимости и препятствующих распространению знаний. Это – очень плохая позиция, наносящая вред стране и власти. Тут нужны совершенно другие меры, в том числе предоставление школам и университетам бесплатных версий легальных продуктов. Характерно, что даже корпорация Майкрософт готова к такому шагу. В случае же, когда совпадают интересы «пиратов» и иностранного монополиста, совместно уничтожающих отечественную индустрию программирования или иную отрасль, основанную на авторском праве, адекватные меры еще предстоит разработать. Но сначала надо научиться понимать интересы участников процесса и события, происходящие в этой сфере. Именно этого не хватает не только в подходах ИРА (International Intellectual Property Alliance), но и во многих других западных исследованиях, подробный обзор которых дан в (Olsen, K., 2005).

Так или иначе, авторское право рассматривает социальный баланс: социальная выгода, получаемая от продуктов творчества, должна быть сбалансирована относительно неэффективного потребления. Такой баланс подразумевает цену заметно выше предельных издержек. То, как это делается на практике, часто ассоциируется с прочерчиванием произвольной

«линии на песке». Это происходит не только в силу самой природы продаваемого продукта, но и по причине очевидных информационных проблем, сопутствующих попыткам построить эффективную систему авторского права (часто не известны истинные затраты создания и готовность потребителя платить). Действительно, как утверждает (Posner, 2005), с. 59:

«К сожалению, экономисты не знают, является ли существующая или какая-то другая система прав интеллектуальной собственности источником чистой социальной полезности, учитывая затраты системы и существование альтернативных источников стимулов к созданию такого имущества».

Однако, несмотря на то, что тот или иной конкретный ответ не получен, экономисты пытались обращаться к проблемам описания оптимального закона об авторском праве. Также они высказали широкий набор соображений по проблеме альтернативных возможностей стимулирования творческого процесса. При этом поразительно мало внимания уделяется вопросу ценовой дискриминации или, точнее по смыслу, дифференциации цен на продукты, представимые в цифровом формате. Между тем, именно дифференциация цен по образцу равновесия Линдаля, как показано выше, могла бы стать ключом к решению целого ряда проблем. В том числе цена на некоторые продукты может быть нулевой. В частности, нулевые цены уместны там, где попытка собирать какие-то деньги за использование произведений в цифровой форме ведет к их исчезновению из оборота. Во многом это касается культурного наследия СССР.

1.1.2. Дискриминация в культуре

Проблема доступа к культуре и ее воспроизводства исследовалась многими авторами и с разных позиций. В том числе есть актуальные исследования, где проблема рассматривается в конкретных реалиях сегодняшнего дня (Рубенштейн А. Я., 2015), однако вопрос рассматривается в контексте теории опекаемых благ и фактически сводится к организации финансирования. При этом опекаемые блага – товары и услуги, в отношении производства и потребления которых существует нормативный интерес общества. В эту категорию, как нетрудно догадаться, попадают практически все произведения науки и культуры, о которых идет речь в данной книге. Однако мы дифференцируем и сами объекты, и их потребителей достаточно подробно, чтобы получить содержательные выводы.

Потребители контента делятся на сообщества так же, как и сами произведения по жанрам и тематике. Такие сообщества уместно назвать вкусовыми: их участников объединяет общность взглядов, языка, понятие о художественной ценности и нравственности – всего того, что можно назвать словом «культура». Современные реалии таковы, что усилия индустрии направлены на производство так называемой «популярной культуры» – произведений в некотором смысле усреднённых по вкусовым предпочтениям. Однако, предложение контента определяется не только его производством, но и каналами доставки – тем, что называется словом «медиа»: телевидение, радио, печать, интернет, магнитные ленты и компакт-диски. Доступность произведений того или иного жанра ставит вкусовые сообщества в неравное положение.

Современный контент создаётся и распространяется в цифровой форме, в то время как ранее созданное продолжает храниться в библиотеках, архивах и музеях, и лишь малая его часть оцифрована и доступна посредством медиа. В результате, поклонники современных авторов могут получать контент в удобной для себя форме и удобное для себя время, в то время как знакомство с ранними произведениями культуры может потребовать утомительной поездки либо ожидания телевизионного или радиовещания. Особенно неравенство в доступе заметно для сообщества, условно названного «поклонники советского». Опросы «Фонда общественного мнения» показывают, что это сообщество достаточно многочисленно и потребляет контент, главным образом, при помощи радио и телевидения. Качество проведенного участниками сообщества времени страдает по следующим причинам: ограниченность репертуара и зависи-

мость от времени вещания. Обе эти причины можно объединить фразой «невозможность получить желаемый контент в удобное для себя время». Издержки доступа оказываются высокими, и граждане переключаются на другой контент: ток-шоу, сериалы, журналы и т. п. Примеры альтернативного контента условны, но они подчёркивают отсутствие переключения на современный художественный контент – опросы показывают неприязнь «поклонников советского» к современной эстраде и кинофильмам. Если это сообщество не находит привычный для себя контент, оно переключается на то, что доступно и достаточно нейтрально (в смысле отторжения у потребителя), или уходят с рынка (перестают смотреть телевизор и замыкаются в накопленной библиотеке).

Остальные сообщества преодолевают это препятствие: интернет предлагает множество вариантов тематического контента. Но в какой мере советские произведения представлены в интернете? Насколько легко получить к ним доступ? Как они потребляются? Что можно сделать для сглаживания неравенства вкусовых сообществ? Ответ на эти вопросы дают точные измерения в цифровой экономике, результаты которых представлены в настоящей книге.

1.1.3. Государственная поддержка и сохранение объектов культуры

Международный опыт оцифровки и сохранения фильмофондов рассматривается как отдельный вопрос, в виду того, что именно для кино вопрос хранения стоит наиболее остро. Бумага оказалась многократно долговечнее, чем киноплёнка, а звуковые дорожки можно отливать даже в металле. Вопрос использования оцифрованных произведений, включая зарубежный опыт, рассматривается отдельно. Кроме того, стоит напомнить, что вопрос об оцифровке изначально возник именно в связи с необходимостью сохранения культурного достояния, прежде всего, архивов. В том числе это касается киноархивов, но после получения цифровой копии способы хранения универсальны для книг, звука и кино.

Господдержка кино в странах ЕС и США

Государственная поддержка национального кинопроизводства – важный фактор, способствующий привлечению продюсерами денежных средств. В мировой практике используются различные виды государственной поддержки. Стоит отметить, что в Соединенных штатах, в отличие от всех остальных стран, нет прямого государственного финансирования кинематографа, однако разного рода программы государственной поддержки кинобизнеса начали внедряться в 1990-х годах и к 2009 году имелись в 44 штатах. Наиболее широко применяются следующие меры.

1. Частичное освобождение кинокомпаний от налога на прибыль (на 20—30%).
2. Освобождение от налога с продаж.
3. Предоставление различных грантов.
4. Возмещение правительством части затрат на производство.
5. Бесплатное предоставление студиям возможности использования государственных мест натуральных съёмок (Гетигежев, 2012).

Практика предоставления различных налоговых льгот и возврата части средств, затраченных на производство фильмов в конкретных регионах, в последнее время получает все большее распространение во всем мире. Канада является своеобразным лидером в данном вопросе, при проведении съёмок на территории этой страны, кинопроизводители могут рассчитывать на возмещение до 40% понесенных расходов. («Рекомендации...», 2016).

С начала XXI века в сфере законодательного регулирования киноиндустрии на территории Европейского союза прослеживается переход от политики протекционизма к административному надзору. Законопроекты, распространяющиеся на кинематографию и телевидение

ние в каждой из стран Еврозоны, имеют свое отражение в системе поддержки кинобизнеса, осуществляющейся государственными и негосударственными организациями, финансирующими различные кинопроекты. Во всех странах Евросоюза роль государства, в основном, заключается в организации взаимодействия между телевизионными компаниями и студиями-производителями кино. В последнее время возрастают объемы финансирования производства кинофильмов со стороны государственных и частных телекомпаний, зачастую совместно с государством, которое, в случае своего финансового участия, осуществляет контроль и координацию финансируемых проектов. Сроки возврата инвестиций являются одной из главных проблем, решение которой возможно с помощью государственной поддержки. Так как финансирование производства и проката картины необходимо осуществлять в довольно короткие сроки, а получение прибыли может быть растянуто на несколько лет, для отрасли необходимы среднесрочные и долгосрочные кредиты, получить которые без государственной поддержки является очень трудной задачей для отдельных продюсеров и небольших кинокомпаний. В Великобритании и Германии государственная поддержка киноиндустрии оказывается параллельно со стимулированием частного финансирования отрасли – эффективность таких мер обуславливается согласованностью действий всех участников процесса кинопроизводства. В целом, для каждой из европейских стран характерны свои особенности при решении вопросов поддержки кинопроизводителей. Сюда можно отнести избирательную помощь для принципиально важных и приоритетных проектов, налоговые льготы для инвесторов. В некоторых странах предусмотрены краткосрочные кредиты для продюсеров на специальных условиях, выдающиеся, как правило, при предоставлении государственных гарантий банкам⁸. Интересен также опыт Франции, где государственная поддержка кинематографа осуществляется специально созданным государственным учреждением под названием «Национальный центр кинематографии» (НЦК), которое отчитывается перед двумя министерствами, отвечающими, соответственно, за развитие культуры и за финансы. НЦК ведает вопросами экономики и регулирования аудиовизуального сектора, в целом, и кинематографии, в частности, а также вопросами защиты культурного наследия страны. Для выполнения своих задач НЦК распоряжается государственными финансовыми средствами, включая различные дотации Министерства культуры на нужды отрасли. В сферу деятельности центра входит развитие производства телепередач и фильмов, а также их проката; расширение и оснащение сетей кинотеатров; продвижение французского кино и аудиовизуальной продукции на зарубежных рынках. Помимо деятельности НЦК, во Франции практикуются меры налогового стимулирования, а также поддержка со стороны иных организаций, таких как Институт финансирования кинематографии и индустрии культуры. Результатами описанной выше деятельности является один из самых высоких в Европе процент отечественных фильмов в национальном прокате, составлявший для Франции 44,4% в 2014 году⁹. Помимо прочего, НЦК разрабатывает нормативно-правовые акты, выдает разрешения на осуществление профессиональной деятельности всем участникам кинорынка (продюсерам, дистрибьюторам, прокатчикам), регулирует выход картин на экраны и сроки их показа по телевидению, а также контролирует распределение кассовых сборов и производство новых фильмов, финансируемых государством. Со стороны НЦК осуществляется поддержка различных национальных и международных мероприятий, в том числе, знаменитого Каннского кинофестиваля. В целях охраны и распространения французского культурного наследия практикуется избирательная поддержка некоммерческих кинематографических проектов и субсидирование таких организаций, как Французская и Тулузская фильмотеки, а также институт Луи Люмьера¹⁰. При разработке системы государственной под-

⁸ <http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevropa.html>

⁹ <http://www.cnc.fr/web/en/year-2015>

¹⁰ <http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevropa.html>

держки киноиндустрии в Польше принимался во внимание опыт других европейских стран, таких как Дания и Франция. В 2005 году был принят закон о кинематографе и создан Польский институт киноискусства, принципы функционирования которого практически полностью совпадают с французским Национальным центром кинематографии, в первую очередь это касается вопросов наполнения бюджета организации, а также ее целей и задач. При этом денежные средства Польский институт киноискусства может тратить строго в соответствии со своими целями задачами, финансирование которых осуществляется в рамках различных рабочих программ.

В числе целей Польского института киноискусства, согласно принятому закону, значатся «поддержка деятельности, направленной на создание условий всеобщего доступа к наследию польского, европейского и мирового кинематографа», а также «поддержка существования киноархивов». Стоит отметить, что «обеспечение всеобщего доступа к наследию польского и мирового кинематографа» является одной из задач министра культуры Польши, перечисленных в Законе о кинематографе от 30.06.2005 года (Адамчак, 2012).

Как видно из этого небольшого обзора, вопросам сохранения и обеспечения всеобщего доступа к кинематографическому наследию в Европе уделяется пристальное внимание, во многих странах приняты законодательные инициативы, призванные обеспечить решение данного вопроса. Кроме того определенные шаги принимаются и на уровне ЕС.

Опыт ЕС

В 2011 году Европейская Комиссия обратилась с призывом ко всем участникам Европейского Союза увеличить активность по переводу своих национальных культурных произведений в цифровые форматы и сохранять их для будущего, так как зачастую очень многие старые киноплёнки, виниловые пластинки и книги исчезают безвозвратно. В частности, прозвучало следующее заявление еврокомиссара по цифровой политике Нили Кроес: «У Европы самое богатое культурное наследие в мире. Просто невозможно допустить, чтобы возможности, предлагаемые нам цифровыми технологиями, никак не помогли нам сохранить собственную культуру»¹¹. По некоторым сведениям, доступность в цифровом формате европейского кинематографического наследия, сохранившегося за 120 лет, на сегодняшний день находится на уровне одного процента и, судя по всему, этот процент не повысится в обозримом будущем. В Великобритании было выделено два миллиона фунтов на проект по восстановлению и сохранению девяти самых старых национальных фильмов. В 2014 году в Федеративной Республике Германия на проведение работ по оцифровке кинематографического наследия страны был выделен один миллион евро¹²

¹¹ <http://www.electrone.com/story/9297>

¹² <http://www.dw.com/ru/на-оцифровку-кинонаследия-германии-выделен-миллион-евро/a-17842257>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.